

КЛАССИКИ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ (К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.И. КАРЕЕВА)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый материал представляет собой главу XIV из книги Н.И. Кареева «Введение в социологию»*. Кареев писал в этой работе, что он ставил своей целью дать лицам, интересующимся социологией, общее руководство, которое помогло бы им ориентироваться в социологической литературе, познакомило бы их с важнейшими вопросами, в ней поставленными, позволило бы им критически отнестись к решениям, которые получили эти вопросы у разных писателей. Кареев также отмечает, что он с 1891 г. читает курс исторической энциклопедии, в котором рассматривается один из общих вопросов социологической теории истории. «Введение в социологию» является в определенной мере воспроизведением этого курса. Кареев при этом подчеркивает, что он не стремился изложить собственную социологическую теорию, его задачей было дать историко-критический очерк главнейших направлений социологической науки. К основным принципам русской социологии он относит: признание психической основы общественных явлений, взгляд на значение личности, а также защиту «так называемого субъективного отношения» к общественным явлениям. В публикуемой главе рассматривается кардинальная проблема соотношения объективизма и субъективизма — важнейшая теоретическая предпосылка субъективной школы русской социологии.

Примечательно указание Кареева на то, что социология будущего явится синтезом тех частных истин, которые содержатся в отдельных направлениях социологии. «Синтез этот возможен только на почве направления, которое отводит свое место Контю, Спенсеру, Дарвину и Марксу, не предполагая, что кто-либо из них сказал всю истину, наоборот, исходя из убеждения, что каждый из них пролил свет лишь на одну сторону предмета». Последнее утверждение ученого во многом характеризует методологию научного объективизма и конкретного историзма.

Н.И. Кареев

ОБЪЕКТИВИЗМ И СУБЪЕКТИВИЗМ В СОЦИОЛОГИИ

Общие предварительные соображения

Различие, существующее между социологическими теориями, обуславливается, между прочим, и тем, что отдельными социологами неодинаковым образом понимаются взаимные отношения между объективными и субъективными элементами науки, при этом объективному и субъективному дается далеко не одинаковое определение. Конечно, подобно всякой положительной науке, социология должна быть объективна в том смысле, чтобы в ней все зависело от данных, представляемых самим объектом, и ничего не зависело от личного произвола отдельных социологов. Это как раз то самое требование, которое было сформулировано Контом, когда он говорил, что в положительной науке воображение должно необходимо и непрерывно подчиняться наблюдению, а

*Кареев Н.И. Введение в социологию. СПб.: Изд-во М.М. Стасюлевича, 1897. 418 с.

не наоборот, как это делается в метафизике. В частности, Конт имел в виду политическую метафизику XVIII в., которая, действительно, строила свои системы путем творчества идеала, а не путем исследования действительности. Некоторые писатели прошедшего столетия сами заявляли, что для получения правильных общественных взглядов достаточно читать в своем собственном сердце. Дело в том, однако, что путем воображения и чистого умозрения они создавали системы, которые должны были не только представить, каковы настоящие принципы идеального устройства, но и объяснить, на каких началах основывается в самой действительности общественная жизнь человека. Примеры, годные для решения вопроса о том, каково должно быть общество, прилагались к решению вопроса о том, что представляет собой общество в действительности, и вот тут-то наблюдение, как выражается Конт, совершенно подчинилось воображению.

Таково первое различие между субъективизмом и объективизмом. Это — различие двух задач, которые, конечно, не должны смешиваться одна с другой, но из коих одна отнюдь не мешает другой. Оставаясь строго верными требованиям научного объективизма в области исследования общественных явлений, мы в то же самое время можем воображать такие социальные формы, которые удовлетворяли бы наше нравственное чувство, или вообще соответствовали бы нашим представлениям о должном. В данном случае субъективизм только дополняет объективизм, и весь вопрос заключается в том, нуждается ли социология в таком дополнении или нет. Сам Конт решил его для себя в первом смысле: за «Курсом положительной философии», спустя некоторое время, последовала «Система положительной политики». Последователи Конта по данному вопросу разделились. Те из них, которые приняли позднейшее учение Конта, признали, что в этом дополнении главным образом и заключается вся сущность позитивизма. Их противники обнаружили гораздо более научного духа, отвергнув позднейшие социологические воззрения Конта, но из того, что Конт дурно решил свою новую задачу, не все научные позитивисты сделали тот вывод, будто общественная философия должна ограничиваться — подобно естествознанию — одним исследованием действительности и абсолютно удерживаться от построения какого-либо общественного идеала. Таким образом, и в самой научной социологической литературе образовалось два направления. Представители первого из этих двух направлений стали упрекать представителей второго в измене требованиям научности, но при этом, с одной стороны, они не вполне верно понимали саму суть субъективной точки зрения, а с другой стороны, допускали такое толкование объективной точки зрения, которое само вызывает сильные возражения во имя «подчинения воображения наблюдению».

Во-первых, социологический субъективизм вовсе не может рассматриваться как измена научному духу. В нем нет ни малейших признаков какого бы то ни было влияния метафизических идей на решение вопроса о том, что такое общество и какие законы управляют общественными явлениями. И в представлении субъективистов социология Должна быть, прежде всего, положительной наукой, далекой от метафизических споров о сущности вещей и тем самым независимой от метафизики. С этой точки зрения субъективная социология не нуждается в предпосылках материализма или спиритуализма совер-

шенно также, как не нуждается в них современная научная психология, по-видимому стоящая еще ближе по самому своему предмету к метафизическим вопросам, чем социология. Представители субъективного направления думают только, что одно субъективное изучение общественных явлений и идеальных представлений о том, каково должно быть общество, не может дать полного социологического понимания. Но в общих принципах, на основании коих они производят свою оценку и строят свои идеальные представления, нет ничего метафизического, если только не считать таковым принцип личности, по отношению к которому социальные формы могут казаться дурными или хорошими, и по отношению к которому только и может научно мыслиться совершенное общество.

С другой стороны, социологический субъективизм далек от каких бы то ни было пристрастий, столь часто искажающих объективную истину, например, в такой науке, как история. Субъективное направление осуждает социальный индифферентизм, но оно вовсе не требует, чтобы наука принимала какую-либо национальную, конфессиональную, партийную и т.п. окраску. На изучение того, что есть, как оно есть, вовсе не должна иметь влияния случайная принадлежность исследователя к тому либо иному народу или государству, к тому или другому вероисповеданию либо церкви, к тому или другому общественному классу либо партии. Таким образом, социологический субъективизм отнюдь не сходит с той же почвы, на которой утверждает себя объективизм, когда протестует против зависимости положительной науки об обществе от метафизических предположений и разного рода пристрастий общественного характера. Если бы субъективисты открыто заявляли и проводили на практике принцип, в силу которого социология должна подчиняться, с одной стороны, метафизике, а с другой, так сказать, злобе дня со всеми ее пристрастиями и несправедливостями, то, разумеется, они подлежали бы только осуждению. Но этого нет, или, по крайней мере, не всегда так бывает, и спор между субъективистами и объективистами касается совершенно других вопросов.

Другая сторона дела заключается именно в том, что можно односторонне понимать и самый объективизм, неверно представлять себе и его требования. Подчиняя воображение наблюдению, Конт разумел под последним исключительно наблюдение, направленное на данные опыта внешнего. Известно, что все явления, могущие быть предметом научного знания, даются нам или в опыте внешнем, или в опыте внутреннем. Конт только за явлениями первого рода признавал научное значение. На психологию он смотрел, как на простой отдел физиологии, и не допускал в ней того, что называется самонаблюдением. Его в этой области интересовали лишь объективные физиологические процессы, происходящие в человеческом организме, а не те субъективные состояния нашего я, коими сопровождаются для нас эти процессы. Подобного рода односторонний объективизм возможен и в социологии. И здесь он равносителен устраниению из общественной жизни ее психических элементов, т.е. равносителен одностороннему рассмотрению одних внешних форм общественной организации без многообразно связанных с ними психических состояний отдельных индивидуумов, из коих складывается общество. Устраняя из своего рассмотрения эту субъективную сторону общественных явлений, односторонний социологический объективизм упускает из виду, что общественные формы суще-

ствуют не только не сами по себе, но и не для самих себя. Субъективная сторона социальных фактов заключается, между прочим, в том действии, какое они, эти факты, оказывают на членов общества. Общественные формы являются причинами людского благополучия и с этой стороны вызывают ту или иную оценку самих членов общества. Социологическое понимание не может быть полным, если мы будем рассматривать общество независимо от того, какое значение имеют те или другие его политические, юридические и экономические формы для лиц, его составляющих.

Научный объективизм, являющийся синонимом беспристрастия, не должен быть синонимом бесстрастия в смысле нравственной апатии и общественного индифферентизма, а между тем для некоторых социологический объективизм должен быть равносильным как раз и тому, и другому. Наконец, одностороннее объективное отношение к социальным явлениям требует, чтобы их последовательность и преемственность рассматривались исключительно с точки зрения существующих между ними причинных связей и эволюционных отношений, как будто происходящие в обществе изменения не улучшают и не ухудшают общества и тем самым не отражаются на благополучии составляющих его единиц. Становясь на точку зрения личности и признавая законность творчества общественных идеалов, субъективисты находят возможным говорить об историческом прогрессе или регрессе, вкладывая в эти слова смысл известного рода оценки. Представители строгого социологического объективизма и это находят ненаучным, утверждая, что социология имеет право говорить лишь о развитии, а не о совершенствовании, только об эволюции, а не о прогрессе.

Сущность разногласия между объективизмом и субъективизмом

В конце концов, спор между объективистами и субъективистами в социологии сводится к различному пониманию того, как следует смотреть на общество и как нужно относиться к человеческой личности, этому первичному элементу общества. Социологический объективизм, беря этот термин в тесном и условном смысле, есть не что иное, как одно из проявлений той антииндивидуалистической реакции против философии XVIII в., о которой шла речь в предыдущей главе. Политическая метафизика прошлого столетия была действительно слишком субъективна, но и реакция против нее стала заходить слишком далеко, когда начала рассматривать, например, язык, право, государство, как какие-то объективные бытия, как явления, будто бы сами по себе и сами для себя существующие. С другой стороны, сравнительно с XVIII в. наука XIX столетия дала шаг вперед, приглашая изучать эти объективные явления так, как естествознание изучает предметы и процессы физического мира. Под влиянием увлечения аналогией с естествознанием и под влиянием отрицательного отношения к философии XVIII в. легко было впасть в односторонность. Раз следует игнорировать субъективную точку зрения личности и раз задача социологического исследования ничем не отличается от задачи, какую мы ставим исследованию природы, все, что напоминает индивидуализм XVIII в., и все, что стало бы отличать обществоведение от естествознания, должно было быть признано незаконным и ненаучным. Социологический субъективизм является только необходимой поправкой и естественным дополнением к тому,

что есть неверного и одностороннего в противоположной точке зрения. Именно субъективизм, — беря это слово опять-таки в условном смысле, — доказывает, что ненаучно изучать общественные явления, как бы совершенно игнорируя при этом мысли, чувства и настроения человеческой личности, мотивы ее деятельности, производимую ею оценку социальных фактов и ее интересы, и что понимание общественных явлений, как чисто внешних форм, якобы лишенных подобно материальным вещам всякого внутреннего содержания, равным образом не может быть названо вполне научным.

Мало того, критическое исследование тех социологических направлений, которые гордятся наибольшей верностью объективизму, обнаруживает, что в сущности требования такого объективизма и невыполнимы. Приравнение общества, как предмета изучения, к материальным предметам окружающего нас мира есть не только известное объективное понимание общества, но и известное субъективное отношение к обществу. Приписываем ли мы обществу нечто большее, чем то, что находим в физических предметах, или отрицаем в нем существование чего-либо такого, что отличало бы его от материальных предметов, мы одинаково тем самым выказываем свое субъективное отношение к обществу, полагая в первом случае, что общество должно чем-то быть, иметь какое-то назначение, а во втором случае, что общество никакого назначения не имеет, а потому и быть должно только таким, каково оно есть на самом деле. Однако в действительности оказывается, что ни один объективист не решался делать такого заключения, ибо у каждого есть некоторый общественный идеал, т.е. некоторое представление о том, каково должно быть общество. Отсюда разные непоследовательности, какие мы встречаем в объективной социологии. Точно так же и пренебрежение к личности есть, в сущности, не объективное понимание того, каково значение личности в жизни общества, а опять-таки известного рода субъективное к ней отношение. Думать, что личность есть только один из тех первичных элементов, из коих складывается общество, только подчиненная часть целого, клеточка общественного организма, служебный его орган, орудие или средство, коим пользуется общество, осуществляя объективные стремления своей природы, — думать, что личность не может рассматриваться как нечто самостоятельное и в себе самой носящее свою цель, значит не только известным образом (конечно, весьма односторонне) понимать личность, но и субъективно относиться к ней, т.е. не уважать ее человеческого достоинства, не признавать ее прав, ни во что не ставить ее интересы перед некоторым объективным предметом, который называется «общество». Такого рода субъективное отношение к личности мы и находим, действительно, у реакционных писателей начала XIX в., исходивших в своих общественных взглядах из того принципа, что «права человека и гражданина» грозят вечными революциями, и что для общественного спокойствия и порядка человеку следует давать как можно менее воли. Неуважение к достоинству человеческой личности проявляется и в других общественных теориях той эпохи, далеких от реакционных стремлений абсолютистов, клерикалов и феодалов, именно в теориях утопических социалистов, признававших за индивидуализмом противообщественный характер и также видевших в декларации прав человека и гражданина одно торжество эгоизма. И у реакционеров, и у утопических социалистов были свои общественные идеалы, друг на друга, конечно, непохожие, но сходящими

3 Зак.673

еся в одинаковом субъективном отношении к личности, в одинаковом пренебрежении к ее свободе во имя прав и интересов общества, хотя и различным образом понимаемых.

У современных социологов есть тоже свои общественные идеалы, весьма между собой несходные, но ни один из них, следует полагать, уже не решился бы стать на ту точку зрения, будто общество имеет все права над личностью, будто личность должна стать только орудием или средством для достижения общественных целей или будто индивид существует для общества. Если, с одной стороны, представители различных направлений современной социологической литературы в то же время являются носителями известных общественных идеалов, как бы последние ни были отличны один от другого, и если, с другой стороны, совершенство общества они видят не в тех или других объективных признаках (вроде, например, интеграции и дифференциации Спенсера и обобществлении труда марксистов), а в соответствии его форм с разумными и справедливыми требованиями личностей, составляющих общество (с этой точки зрения, например, обобществление труда только и может получить свой смысл), то лишь по недоразумению теперешние социологи могли бы принципиально защищать объективизм, которому нет никакого дела ни до того, чем общество должно быть, ни до требований, предъявляемых к социальной жизни живыми единицами, из коих слагаются общества. Если даже иногда и в настоящее время по недоразумению защищается еще социологический объективизм, то, во всяком случае, последовательное проведение его на деле оказывается невозможным. Пожалуй, еще можно объявлять личность за *quantité négligeable* и в признании принципа личности видеть научную отсталость, но изучать общество, взятое в его целом, без всякого представления о том, какое общественное устройство наиболее соответствовало бы здоровой и разумной жизни человеческих личностей, значит видеть только одну сторону социальной жизни — объективные результаты сознательной или бессознательной деятельности членов общества, отрешенные от тех субъективных целей, какие ставят люди своей деятельности, прямо или косвенно направленной на общество, и от тех субъективных требований, какие людьми предъявляются обществу. Так можно изучать только отдельные стороны общественности или отдельные процессы общественной жизни: это и делается в сравнительно- историческом исследовании, берущем своим предметом разные культурные и социальные формы, как объективная реальность, так сказать оторванные от отдельных обществ, в коих они встречаются, и как бы стоящие вне какой бы то ни было связи с благом или злом личностей или с той субъективной оценкой, какую им дают личности, имеющие с ним дело.

Важное различие между естествознанием и гуманитарными науками

Защитники социологического объективизма ссылаются на пример естествознания, который будто бы в данном вопросе имеет решающее значение. Социология может оставаться верной требованиям научного реализма, не становясь на точку зрения грубого материализма, т. е. не перенося в себя целиком отдельных понятий, отдельных приемов исследования, отдельных точек зрения, совершенно пригодных при исследовании предметов и процессов материальной

природы, мало уместных или совсем неуместных в науках, изучающих духовную жизнь человека или культурную и социальную жизнь человечества. Реализм требует, чтобы действительность не идеализировалась, но реализм не требует, чтобы отрицалась идеальная сторона там, где она существует. Реализм требует также, чтобы изучались сами вещи, а не наши о них идеи взамен самих вещей, но это не мешает нам создавать идеальные представления о совершенных предметах. Реализм не есть синоним натурализма, как объективизм не есть синоним материализма.

Ко всему, что нас окружает, мы можем в соответствии с разделением нашего я на ум, чувства и волю относиться трояким образом. Отношение интеллектуальное есть отношение теоретическое: это есть отношение объективного знания, отношение строго научное. Интерес к чистой истине должен здесь стоять на первом плане, интерес к самой истине, независимо от той пользы, какую можно извлечь из обладания ею, не взирая на то, что истина может быть нам неприятна. Другими словами, в теоретическом отношении своем к окружающим нас явлениям мы должны быть свободны от всяких утилитарных соображений и эмоциональных влияний: в этом заключается объективизм и реализм науки.

Второе отношение есть именно эмоциональное, проявляющееся, между прочим, в эстетическом творчестве, в искусстве. Оно вторгается весьма часто в науку в виде разного рода пристрастий, национальных, политических, вероисповедных, сословных, партийных, вплоть до пристрастия к отдельным личностям в истории и проявляется в виде разного рода идеализаций действительности. Эта точка зрения, с которой «тмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Субъективизм этого рода одинаково неуместен и в естествознании и в гуманитарных науках.

Третье отношение есть отношение утилитарное: тут предмет имеет для нас значение не объекта для изучения или объекта, возбуждающего в нас то или другое чувство, а простого орудия или средства, из коего мы извлекаем пользу в нашей практической деятельности. Такое отношение к окружающему миру, перенесенное в область знания, придает последнему узко утилитарный характер, какой и имеют прикладные науки по сравнению с науками чистыми. Все три вида отношения нашего я к тому, что не есть это я одинаково существуют в нас и для мира природы, и для мира человека, и везде теоретическое отношение есть основание отношения научного, везде научности вредит вторжение в объективное исследование, так часто совершаемое разными эмоциями, и везде, наконец, теоретическое отношение грубо суживает нашу мысль, подчиняя теоретическое отношение грубо практическому (как в случае с ущербом для себя оно подчиняется отношению эмоциональному). Во всем этом большой разницы между науками гуманитарными и естествознанием не существует. Но дело в том, что к человеку и ко всему человеческому, в том числе и к обществу, кроме отношения теоретического, эмоционального и утилитарного, может существовать еще особого рода отношение, которое мы называем этическим. В том и заключается существенная разница между естественными и гуманитарными науками, что первые могут иметь лишь значение наук чистых и прикладных, тогда как последние могут заключать в себе, кроме теоретического и утилитарного элементов, еще и элемент этический.

Было бы ошибкой основывать различие между естествознанием и гуманитарными науками на чем-либо ином: само по себе изучение человека разделено между естествознанием и гуманитарными науками. Нельзя думать, что в основе этого разделения лежит противоположность природы и духа, в соответствии с которой немцы называют одни науки *Naturwissenschaften*, другие *Geisteswissenschaften*. В самом деле, естествознанию не чуждо изучение «явлений духа», именно в психике животных и в тех отделах физиологии, которые непосредственно соприкасаются с психологией. Наоборот, гуманитарные науки не имеют дело исключительно с «явлениями духа». Например, такие науки, как политическая экономия, изучают как раз материальную сторону общественной жизни. Или археология имеет своим предметом разные материальные вещи. Если в чем и полагать существенную разницу между науками естественными и гуманитарными, разницу, которая имела бы не одно формальное значение, то только в одном: в том, что нашло свое выражение в обозначении гуманитарных наук французами, как наук моральных.

Эта разница заключается в том, что в естественных науках изучаются вещи, тогда как предмет наук гуманитарных есть прежде всего человеческая личность, а затем человеческое общество, как совокупность отдельных личностей, находящихся между собой в постоянном взаимодействии. И к вещам и к личностям наука должна относиться совершенно одинаково только до известной степени, ибо, кроме теоретического отношения, существующего одинаково к вещам и личностям, к последним может существовать еще отношение этическое. Вещи мы приписываем только одно существование, личности сверх того и внутреннее достоинство, требующее с нашей стороны известного к себе уважения. Вещью мы можем пользоваться как орудием или средством для достижения тех или иных целей, самой вещи совершенно посторонних, достоинство же личности состоит как раз в том, что она в самой себе носит цель своего существования, что она не может быть только средством или орудием для достижения целей, ей совершенно посторонних. Исключительно утилитарное отношение к вещам не заключает в себе ничего безнравственного, хотя, конечно, отсутствие теоретического отношения к природе и способности получать от нее эстетические эмоции не может служить хорошей характеристикой человека.

Наоборот, исключительно утилитарное отношение к людям безнравственно в самом корне своем, так как состоит именно в отношении к людям, как средствам или орудиям наших целей. В утилитарном отношении человеческая личность приравнивается к вещи, как это и было формально принято римскими юристами, учившими, что рабы суть не лица (*personae*), а вещи (*res*). Равным образом, исключительно теоретическое отношение к личностям, ничем не отличающееся от теоретического отношения к вещам, не может быть оправдано с этической точки зрения.

Нужно, однако, иметь в виду, что эта точка зрения не есть нечто противоположное точке зрения теоретической и ее прямо исключающее: одна только дополняет другую, и притом лишь там, где это дополнение требуется самим существом дела. В самом мире человеческих отношений, беря последнее слово в наиболее широком смысле, далеко не все может требовать этического к себе отношения, и в таком случае гуманитарные науки в своем отношении к изучаемым предметам ничем не отличаются от естествознания. Например, так, лин-

гвистика изучает язык, археология древности и т.п. Но во всех вопросах, касающихся достоинства человеческой личности, ее свободы, ее прав и интересов, ее благополучия и развития, одно теоретическое отношение является большой односторонностью и на практике может приводить даже к безнравственным результатам. Не нужно забывать, что каждая теоретическая наука помимо собственного своего значения, заключающегося в удовлетворении пытливости нашего ума, может иметь еще и значение в качестве наиболее надежной основы для какой-либо практической дисциплины, приспособляющей теоретическое знание к служению практическим целям. Все так называемые прикладные науки имеют чисто утилитарный характер, но и их отношение к вещам и личностям не может быть одинаковым. Прикладная наука, которая открыто заявляет, что для нее люди только орудия или средства для достижения чуждых им целей, была бы наукой прямо безнравственной. Такой характер имели, например, мораль и политика иезуитов.

В общем можно сказать, что прикладные науки, показывающие нам как следует пользоваться вещами для достижения тех или иных практических целей, полагают эти цели в конце концов только в человеческих личностях. Не иначе относятся к вопросу и социальные прикладные науки. Правда, им приходится иметь дело не с вещами, а с такими явлениями, как государство, право и народное хозяйство, но было бы и теоретически неверно, и этически неправильно полагать, что не государство, право и народное хозяйство должны служить человеческим личностям, а наоборот, что человеческие личности должны быть средствами или орудиями объективных целей государства, права и народного хозяйства. Развитое нравственное чувство протестует против общественных учений, приносящих человеческое достоинство личности в жертву какому-либо объективному бытию. Известное направление политической экономии в своей погоне за увеличением народного богатства совершенно справедливо вызвало замечание, что по этой теории выходит будто не богатство существует для человека, а человек для богатства. Действительно, это направление видело в человеческой личности лишь производителя, т.е. один из факторов, созидающих народное богатство, а к человеческому труду относилось совершенно так же, как к вещам, называемым землей и капиталом, которые вместе с трудом человека участвуют в производстве народного богатства. Известно также изречение: «*fiat justitia regeat mundus*», изречение, лучше всего осужденное евангельскими словами: не человек существует для субботы, а суббота для человека. Право, требующее для своего торжества гибели всего мира, не может иметь нравственных оснований. Наконец, современное сознание свободы протестует против безусловного подчинения личности государству, против поглощения личности государством, одним словом, против отношения к личности, как к простому средству или орудию государственной цели. Реакционная литература начала XIX в. была своего рода возвращением к политическому мирозерцанию, основанному на отрицании человеческого достоинства личности. На ту же ложную и в теоретическом и в этическом отношении дорогу сбились и социальные реформаторы начала XIX в., представляющие себе идеальное общество, как некоторый объективный порядок, коему призвана служить и должна быть подчинена всякая индивидуальность. Современная социология и параллельно с ней социализм отказались от подобного отношения к личности.

Совпадение требований научного объективизма и этического субъективизма

Если чисто теоретическое отношение к изучаемым явлениям заслуживает быть названо объективным, то отношение этическое, конечно, может быть названо субъективным. Однако в данном случае субъективизм, отличаясь от объективизма, вовсе не является его противоположностью, а только необходимым к нему дополнением. Противоположность научного объективизма составляет субъективизм эмоциональный, а не субъективизм этический. Объективное или чисто теоретическое отношение к предмету исключает всякое пристрастие, мешающее нам видеть, понимать и изображать предмет таким, каким он нам дан в действительности. Пристрастие, обусловленное нашей принадлежностью к тому или другому народу и государству, к тому или другому вероисповеданию и церкви, к тому или другому общественному классу и партии, несомненно, противоречит научности: такой субъективизм без всяких оговорок должен быть изгнан из научной области, чем, конечно, нисколько не отрицается значение и не умаляется сила этого субъективизма в действительной жизни. Беспристрастие является, однако, не только теоретической добродетелью, но и добродетелью этической, так что в данном случае научные и нравственные требования совпадают. Национальные, конфессиональные и партийные пристрастия вредят не только истине, но и справедливости. Последняя требует именно, чтобы мы отнеслись к людям по их нравственному достоинству и общественным заслугам — независимо от принадлежности их к той или другой нации, вере или партии. Таким образом, научному объективизму и этическому субъективизму могут мешать проявляться одни и те же препятствия, имеющие свои корни в эмоциональной стороне человеческой психики. Но научный объективизм и этический субъективизм один другому не противоречат. Один должен совершенно беспристрастно констатировать факты и беспристрастно же делать выводы из данных посылок, не заботясь о том, чтобы результаты исследования были нам приятны или совпадали с нашими желаниями. Задача этического субъективизма — беспристрастно оценивать объективно констатированные факты и беспристрастно делать те или другие нравственные заключения, отправляясь от познанных истин, хотя бы оценка эта и эти заключения вызывали в нас горькое чувство и разрушали в наших глазах дорогие нам иллюзии. С этой точки зрения научный объективизм и этический субъективизм не только вовсе один другому не противоречат, но даже совпадают, будучи как бы только двумя разными видами одного и того же отношения, в основе коего лежит соблюдение одних и тех же требований беспристрастия и справедливости. Научный объективизм поэтому только дополняется этическим субъективизмом там, где для последнего может быть место, то есть во всех случаях, когда науке так или иначе приходится иметь дело с достоинством и правами, развитием и счастьем человеческой личности.

Другими словами, этический субъективизм в социологии есть не что иное, как проявление интереса не к одним только внешним явлениям социальной жизни, но и к человеческой личности, живущей в обществе, интереса, не могущего быть простым теоретическим интересом, какой способны возбуждать к себе вещи и наравне с ними разные внешние общественные явления, каковы культурные и социальные формы, то есть интереса, в одно и то же время

теоретического и этического. Социологические теории, так сказать, не удовлетворяющие своим вниманием человеческую личность, могут, пожалуй, гордиться своим объективизмом, но в этом объективизме нет большой заслуги. Напротив того, он искажает представление социальной действительности, отнимая у нее то, что придает ей наибольший человеческий интерес. Если в социологическом субъективизме, дополняющем собою объективизм, проявляется этическое отношение к личности, взятое в положительном смысле, то социологический объективизм, требующий устранения такого субъективизма, заключает в себе этическое отношение к личности уже чисто отрицательного свойства, то есть прямо несправедливое отношение к личности, именно приравнивание ее к вещи, что и теоретически неверно.

Обе точки зрения, объективно-научная и субъективно-этическая, должны дополнять одна другую, притом не только в изучении общественной деятельности, но и в творчестве общественного идеала. Общественные идеалы могут быть разные: не все они бывают одинаково истинны, и даже бывают прямо ложные идеалы, основанные на ненаучном отношении к обществу или на неэтическом отношении к личности. Истинным идеалом нельзя назвать не только что-либо невозможное, но и что-либо негуманное. Романтики, мечтающие о воскрешении прошлого настоящим или будущим, и утописты, строящие будущее без знания прошлого и настоящего, осуждаются социологией — и осуждаются вдвойне, когда вносят в свои представления не только то, чего не может быть с точки зрения науки, но и то, чего быть не должно с этической точки зрения. Реакционные писатели XIX в., создавшие многие идеи, которые потом сделались достоянием социологического мышления, стремились к восстановлению средневекового строя: в том, что они считали возможным воскресить прошлое, заключалась их теоретическая ошибка, которая дополнялась этическим заблуждением — пренебрежением к достоинству человеческой личности. Современные им утописты смотрели не назад, а вперед, в чем и заключалась их прогрессивная историческая роль, но они тоже делали теоретическую ошибку, думая, что будущее можно сразу построить по искусственно придуманному плану, и также впадали в этическое заблуждение, превращая личность в какое-то средство или орудие общества. И те, и другие одинаково жили воображением, подчиняли свои взгляды тем или другим эмоциям, то есть вносили в свои теории незаконный субъективизм, который и оказывался одинаково вредным как в теоретическом, так и в этическом отношениях. Обе же точки зрения должны одинаково иметься в виду и вообще при критике тех общественных формул, по которым между собой различаются существующие в обществе партии.

Научная независимость социологии от общественных партий

Законный объективизм в социологии сводится к научному и этическому беспристрастию. В социологии не должно быть места тому узкому национализму, который так часто искажает истину в исторических сочинениях. Лучшим примером того, к каким ненаучным результатам приводит националистический субъективизм в социологии, может служить в русской литературе знаменитая «Россия и Европа» Данилевского, делящего цивилизованные нации, так сказать, на избранные и отверженные и отрицающего существование об-

щих законов социальной жизни во имя особенностей каждого отдельного «культурно-исторического типа». Если, впрочем, чисто культурные пристрастия национального или конфессионального характера вместе с пристрастиями характера социального, то есть сословными, классовыми и партийными — особенно вредят научности истории, то научности социологии может грозить опасность главным образом лишь со стороны сословных и классовых стремлений и партийных взглядов. Не должно быть разных социологий в Англии или Франции, у буржуазии или пролетариата, у консерваторов или радикалов, ибо социология может быть только одна: научность ее зависит от ее соответствия с действительностью, а не от того, насколько она совпадает или не совпадает с национальными особенностями и стремлениями англичан и французов, с традициями и интересами того или другого общественного класса, с принципами и программами той или другой партии. У каждой партии есть своя идея общества, но каждая партия создает эту идею не ради научных, а ради практических целей, часто в зависимости от условия чисто местного и временного характера, и идея эта главным образом выражает не то, что такое общество в действительности, а то, чем оно должно быть в идеале. Конечно, одни партии в своих социальных взглядах ближе к реальной и идеальной истине, другие от нее дальше, но критерий истины находится вне партии. Критерием этим является наука, которая должна стоять выше партий во имя принципа беспристрастия: последний у других народов даже прямо называется непартийностью (*impartialite*, *Unparteilichkeit*).

Разделение общества на партии вовсе не есть результат чисто теоретических разногласий в области нерешенных научных вопросов, — разногласий, разделяющих между собой отдельные социологические направления. Общество разделяется на партии по вопросам чисто практического свойства, затрагивающим интересы, а часто и предрассудки отдельных личностей и целых социальных групп, — по вопросам, в постановке и решении коих сильнейшим образом задеваются волевая и эмоциональная стороны личной жизни, равно как всякого рода интересы, права и традиции целых общественных групп. Научный спор ведется теоретическими аргументами, партийная борьба — практическими свойствами, цель коих доставить торжество тем или другим общественным принципам, отнюдь не доказать истинность тех или других научных тезисов: победить может и неправое дело; терпят поражение в борьбе и представители более научных взглядов. Правда, партии пользуются в своей борьбе и теоретическими аргументами, и с нравственной или научной точки зрения одна партия может быть правее другой, но, во-первых, в борьбе это именно и не имеет решающего значения, а во-вторых, теоретические аргументы в подобных случаях все-таки приноравливаются к практическим целям; последние иногда даже диктуют известные теории для оправдания тех или других принципов и программ. Если наука должна служить жизни, то, конечно, не в том смысле, в каком этого желали бы некоторые слишком своекорыстные или недальновидные партии, стремящиеся навязать свои решения чисто теоретических вопросов, наиболее для них удобные или выгодные в каждом данном случае. Нельзя истинность теории доказывать тем, что ею оправдывается известная партийная программа. Наука должна служить жизни, самостоятельно решая поставленные вопросы. Жизнь, действительно, постоянно ставит новые вопро-

сы, теоретическое решение коих может принадлежать только науке. Каждое новое общественное течение есть новая общественная задача, имеющая помимо интереса практического и теоретический интерес. Каждая партия может ставить науке какую-либо задачу, которой раньше не было или поставить которую другие партии были бы не способны, но ни одна партия не имеет права диктовать науке, какие ответы должна она давать на какие бы то ни было поставленные перед ней вопросы. Наибольшую услугу оказывают поэтому науке те партии, которые ставят на ее решение новые вопросы, тем самым ее обогащают и, не навязывая ей своих решений, как абсолютно истинных, не мешают ей свободно делать свое критическое дело. Зато и опираться на науку могут главным образом партии, способные идти вперед, открывающие новые вопросы и не боящиеся научной критики своих принципов и программ. Наука может служить жизни лишь одним путем — ища прежде всего истины, удобна или неудобна эта истина для той или другой стороны в жизненной борьбе отдельных общественных групп.

Одним словом, во имя самостоятельного значения научного знания и в интересах самого общества, которому не может быть полезным какое бы то ни было искажение истины, наука должна быть независима от партийного духа. Напротив, каждая добросовестная общественная партия должна искать оправдания своей программы в независимой общественной науке. Нельзя отрицать фактическую или логическую очевидность лишь потому, что из нее вытекают невыгодные или неприятные следствия, как нельзя искусственно подтасовывать факты и подгонять один к другому выводы для того, чтобы получить приятную или выгодную теорию. Социологические теории не могут быть поэтому орудиями отдельных партий. Известная социологическая идея ненаучна не потому, например, что ее в интересах своей партии создали именно реакционеры, а потому, что она создана в партийном интересе вообще. Другая идея, придуманная в интересах прогрессивной партии, в силу одного только этого не будет непременно научной идеей, если в основе ее не окажется объективной истины. Справедливость требований еще не гарантирует научности тех принципов, на которых эти требования хотят обосновать, равно как и не оправдывает еще с научной точки зрения тех средств, при помощи коих эти требования пытаются осуществить. Можно ведь быть морально правым и вместе с тем не правым научно. Если несправедливые требования и нельзя оправдать на научном основании, то это не препятствует несправедливым требованиям осуществлять себя, пользуясь всеми средствами науки, против правого дела, защищаемого иногда такими способами, к которым наука может отнестись только отрицательно. Этическая правота партии еще не есть доказательство верности социологической теории, в коей данная партия усматривает объективную основу своих субъективных требований.

Социология и главные общественные направления XIX века

В эпоху возникновения социологии во Франции, родине новой науки, общественное сознание выражалось в трех главных направлениях, из коих каждая представляла собою интересы одного из трех больших классов, на которые делилось тогдашнее общество. Одно направление получило название реакции, и его держались бывшие привилегированные сословия «старого порядка», то

есть духовенство и дворянство. С ним находилось в борьбе другое направление, стоявшее за прогрессивные начала общественной жизни и получившее название либерализма, общественным же классом, который держался этого направления, была буржуазия. Наконец, уже тогда образовалось и третье направление, равным образом ставившее себе прогрессивные цели: это был социализм, которому впоследствии суждено было сделаться направлением преимущественно пролетариата. Социология, как мы видели, стала складываться под влиянием некоторых представлений об обществе, которые были в ходу у писателей реакционного направления, но мысль о новой науке, совершенно светской и даже сознательно отрешавшейся от теологических принципов, не могла, конечно, найти сочувствия у представителей реакции. И в последующие времена социология была преимущественно, если не исключительно, детищем мыслителей прогрессивных направлений. На первых порах, однако, новая наука относилась к либерализму отрицательно, да и либеральная партия видела в ней лишь одно из тех «лжеучений», в которых представители буржуазии усматривали подрыв господствующего положения, занятого ею самой в общественной жизни. Конт сходилась с реакционной школой и с родоначальниками социализма в отношении к либерализму, как к направлению чисто отрицательному, критическому, разрушительному, но в то время, как реакционная школа полагала, что общественный идеал был уже осуществлен в аристократическом строе общества времени «старого порядка», Конт, наоборот, заодно с утопическими социалистами мечтал о новом социальном строе, основанном на более справедливой организации труда.

Однако социология не слилась с социализмом. Последний выступил с представлением об обществе, каким оно должно быть, тогда как новая наука стремилась быть, прежде всего, «социальной физикой», исследованием общества, каким оно дано нам в действительности. Мало того, дальнейшее развитие социализма и во Франции, и в Германии, куда новое направление перешло из Франции, шло вне всякого влияния со стороны социологической идеи Конта. Мы не замечаем этого влияния ни в Луи Блане с его тоже чисто отрицательным представлением о либерализме, ни в Марксе, родоначальнике экономического материализма. Дальнейшие шаги социология сделала, прежде всего, в Англии, но здесь новая наука нашла адептов в лице Милля и Спенсера, в учениях коих социологическая идея соединяется уже с либеральной доктриной. Основной чертой либерализма было всегда широкое понимание индивидуальной свободы, во имя которой требовалось крайнее ограничение вмешательства государства в жизнь общества, но это направление мало интересовалось тем, что как раз составляло вопрос жизни и смерти для трудящихся классов общества. Именно эти-то интересы и были выдвинуты на первый план социализмом, который, наоборот, на первых порах относился к индивидуальной свободе с крайней враждебностью.

Среди современных социологов самым ярким представителем либеральной доктрины со всеми ее слабыми сторонами является Спенсер, который нередко действительно заслуживает упреков в буржуазности! Спенсер выступает в качестве принципиального противника социализма, но можно назвать немало и других социологов, которые полемизируют с социализмом и даже высказывают ту мысль, что социология есть лучшее опровержение социализма. Поэтому

и в противном лагере иногда слышится упрек социологии в том, что она наука чисто буржуазная: пролетариат, говорят, не должен принимать такой науки, он должен создать свою науку, которая соответствовала бы его интересам. Но если одни социологи являются противниками или, по крайней мере, не сторонниками социализма в той или другой из тех форм, какую он принимал в нашем столетии, то другие, наоборот, прямо примыкают к социализму или, по меньшей мере, обнаруживают в своих воззрениях некоторое влияние социализма. Это влияние чувствуется уже в Милле, как экономисте, заступающемся за интересы рабочего класса и не отрицающем право государства вмешиваться в экономические отношения, хотя Милль в то же время горячий защитник индивидуальной свободы. Сам социализм отказался мало-помалу от того враждебного отношения к личной свободе, которое характеризует его родоначальников. Между либерализмом и социализмом даже происходит известного рода сближение на почве всестороннего понимания взаимных отношений между личностью и обществом, прав одной и другого, границ индивидуальной свободы и пределов общественной власти, и это понимание вырабатывается социологией, не замыкающейся в узких партийных рамках. Но если одни хотели бы, чтобы предвзятая мысль социологии заключалась в теоретической оппозиции социализму, то другие, наоборот, думают, что вся задача социологии состоит в теоретическом обосновании социализма. «Социология будет социалистической, или ее вовсе не будет» (*la sociologie sera socialiste ou elle ne sera pas*), — так выразился об этом один писатель*, который, конечно, нашел бы много людей, думающих не иначе. Против обоих взглядов на социологию можно, однако, возразить указанием на то, что или социология будет беспартийной, или она не будет наукой. Идеи партии могут быть истинными и справедливыми, если совпадают с результатами научной социологии и с требованиями общечеловеческой этики, и лишь постольку эти идеи истинны и справедливы, поскольку между ними, с одной стороны, и наукой и этикой, с другой, существует совпадение. Не социология и нравственная философия нуждаются в партийном оправдании, а наоборот, партии нуждаются в оправдании с этической и научной точек зрения.

Социология и этика

Все это ставит перед нами вопрос об отношении социологии к этике. Мы уже рассматривали отношение нашей науки к другим гуманитарным наукам, но из числа последних нельзя же исключать науку, которая имеет своим предметом одну из наиболее важных сторон личной и общественной жизни — нравственность. Прежде, однако, чем решать этот вопрос, бросим взгляд на те отношения, какие наблюдаются между этикой и более старыми общественными науками.

Наиболее тесная связь существует между этикой и юриспруденцией в смысле общей теории или философии права. Вопросы нравственности и права до такой степени между собой переплетаются, что необходимость разграничения между обеими областями породила целый ряд попыток определить, каковы общие признаки и каковы отличительные черты нравственности и права. Мно-

*Энрико Ферри на одном из конгрессов Международного института социологии.

гочисленность таких попыток и разногласия, наблюдающиеся в искомым определениях, доказывают, что это не такая уж легкая задача. Можно только сказать, что чисто социальная функция нравственности и права одна и та же, но общая цель обоих достигается неодинаковыми средствами, и что между нравственностью и правом существуют, так сказать, переходные явления, которые именно затрудняют проведение определенной границы между обеими областями. И нравственность, и право суть одинаково явления общественного порядка, но первая мыслима как необходимая принадлежность всякого общежития вне какой бы то ни было социальной организации, тогда как второе достигает своих целей, да и возможно вообще лишь при условии существования уже некоторой общественной организации.

Союз между юриспруденцией и этикой был заключен еще во времена римских юристов, которые, как известно, испытали на себе весьма сильное влияние стоической философии. Рядом с правом положительным, которое для них существовало в двух видах — права гражданского (*jus civile*) и права общенародного (*jus gentium*), они создали еще право философское, построенное на этических началах и получившее у них название права естественного (*jus naturale*). Это естественное право есть не что иное, как юридическое выражение истин нравственного порядка. Известно, какую важную роль идея естественного права играла в культурной и социальной жизни Западной Европы едва только авторитет теологии сменился авторитетом философии. Просвещение XVIII в. было эпохой наибольшего торжества этой идеи. В начале нынешнего столетия этой идее, которая имела, несомненно, метафизическую оболочку, стали один за другим наносить удары. Главный удар шел со стороны исторической школы права, которая с самого начала получила характер националистического консерватизма. Она отвергла идею естественного права во имя права положительного. Это тоже было в некотором роде заменой в юриспруденции субъективизма объективизмом. Не отрицая научных заслуг исторической школы, мы не можем, однако, не отметить, что упомянутая замена была до известной степени разлучением юриспруденции с этикой. Общечеловеческий и идеальный характер естественного права придавал ему прогрессивное значение в общественном смысле. Историческая школа в своем стремлении к объективизму, отвергнув с идеей естественного права всякий субъективизм этического происхождения, не избежала субъективизма националистического и партийного. Общечеловеческие принципы в этой школе отступили на задний план перед национальными преданиями, а чисто консервативный характер школы доводил ее прямо до преклонения перед существующими фактами. Параллельно с этим историческая школа совершенно устранила личность из своих теоретических соображений, с одной стороны, в пользу «народного духа», продуктом которого для школы и является право, с другой стороны, в пользу идеи «органического роста» права, будто бы совершающегося без человеческого участия.

Против этой части учения исторической школы, однако, давно уже происходит реакция. Особенно с этой точки зрения заслуживает внимание социологов теория Иеринга, возвратившегося к той мысли, что право существует только посредством деятельности личностей и в интересах личностей же: в этом заключается социологический смысл его сочинений «Борьба за право» и «Цель

в праве». Но и дискредитированная идея естественного права начинает оживать в современной юриспруденции, только отрешенная от своей прежней метафизической подкладки, благодаря новой постановке вопроса на почву современной научной этики. В самом деле, совершенное устранение из юриспруденции идеи естественного права было бы равносильно полному отчуждению науки о праве от каких бы то ни было соображений этического характера. Но право есть именно право, а не простой факт, благодаря только моральной санкции.

Исторические отношения между политикой и этикой были несколько иные, и дело доходило иногда до полной противоположности между обеими областями. Представители чисто политического мышления ставили нередко впереди всего государственную цель (*raison d'état*) и считали пригодными для достижения этой цели всякие средства, лишь бы они сопровождались успехом, причем они подчиняли и личность государственной цели. Договориться до бесправия личности в государстве можно лишь при неэтическом отношении к личности, а в этом заключалось и устранение из политики этической идеи человеческого достоинства и той самой идеи, на которой зиждется все естественное право. Самым характерным представителем такой политической науки был, конечно, Макиавелли. Но уже в том же XVI в., когда он жил, получила значительное развитие политическая литература, в которой видную роль играет защита прав личности. Один из представителей этой литературы (Бьюканан), возражая Макиавелли, указывал на то, что в человеке есть нечто «возвышенное и благородное», требующее свободы и противное всякому деспотизму. В эпоху религиозной реформации права личности отстаивались в политической литературе главным образом на основании аргументов теологических: человек создан по образу и подобию Божьему, и Христос, искупив своей кровью весь род человеческий, сделался единственным господином над совестью людей. С середины XVII в. теологическая аргументация уступила место философской, и вот из старой идеи естественного права стали делать новые выводы.

Одним из этих выводов, должным осуществить эту идею в действительности, была «декларация прав человека и гражданина», основные положения которой повторяются во всех современных конституциях в виде параграфов, гарантирующих право граждан. Но в XVIII столетии этическая сторона идеи естественного права плохо различалась от чисто метафизического представления о каком-то естественном законе, который помимо человеческих усилий призван осуществлять общественную пользу, лишь бы дело не портилось неумелым вмешательством людей. Это воззрение привело к идее о полной экономической свободе, к преклонению перед общественной действительностью: естественное право превратилось на практике в право сильного, т.е. в противоположность основному этическому принципу естественного права, как его формулировала философия права. На этой почве политическая экономия оказывалась иногда способной договариваться до совершенно безнравственных учений и превращалась в теоретическое оправдание господства промышленной буржуазии. Такой результат мог получиться благодаря только извращенному пониманию естественного права как права сильного, благодаря только изгнанию из экономической науки этического элемента. В буржуазном направлении политической экономии труд человека рассматривался наравне с

землей и капиталом как простая физическая сила, как своего рода вещь, которая может быть превращаема в предмет купли — продажи, в простой товар. Против такого бессердечного направления науки должно было возмутиться нравственное чувство. Это и было причиной вражды, с какой относились родоначальники социализма к современной им политической экономии, в которой, как известно, они видели только школу эгоизма и защиту общественной несправедливости.

В эпоху возникновения социологии главным основанием этики служила метафизика. Уже это одно могло заставить Конта отнестись к этике в смысле отдельной дисциплины с известным недоверием: так ведь поступил он и с психологией, устранив ее как отдельную науку из своей классификации наук. Наиболее реалистичная теория морали, существовавшая в его время, но ведшая свое начало еще из эпохи материалистической философии XVIII в., заключалась в признании эгоизма за единственное начало, объясняющее все человеческие действия и могущее служить разумной основой для научной системы морали. Таково было и воззрение тогдашних экономистов. Конт, видевший причину всех общественных зол в умственной и нравственной анархии индивидуализма, понятно, не мог разделять этого взгляда. В противоположность понятию эгоизм он создал новое понятие, которому и дал название альтруизма: эгоизм есть начало антисоциальное; в основе общественной жизни может лежать только альтруизм. Этот последний термин вошел во всеобщее употребление и получил гражданство в науке. Но Конт оставил этику совершенно неразработанной с новой точки зрения. Только во второй период своей деятельности, когда он торжественно провозгласил права субъективизма, он создал особого рода религиозную этику, которая, однако, отличается совершенной ненаучностью. И все-таки Контом для этики была поставлена научная проблема — объяснить существование морали без метафизических предположений и вывести мораль не из индивидуальной, а из социальной жизни человека, исследовать при этом тот двигатель человеческих поступков, которому он дал название альтруизма. Это есть одна из задач коллективной психологии, ибо она должна изучать процессы и результаты психического взаимодействия между людьми. С другой стороны, социология не может считать свой предмет исчерпанным, если не будут подвергнуты ее рассмотрению чисто нравственные факторы, оказывающие свое влияние на хозяйственную, правовую и государственную жизнь общества. Эта задача, поставленная Контом, была принята теми из его последователей и продолжателей, которые наименее склонны были повторять ошибки основателя новой общественной науки.

Особенно в этом отношении заслуживает внимания Спенсер. Свою грандиозную «Систему синтетической философии» он завершил «Основаниями этики», следующими у него непосредственно за «Основаниями социологии». Сама нравственность рассматривается у Спенсера как социальное явление, имеющее происхождение в социальной жизни. В его этике нашел себе место и принцип альтруизма, провозглашенный Контом. И к нравственности Спенсер применил идею эволюции, с точки зрения которой уже Конт хотел понять историю человеческого общества. Но пример Спенсера не единственный. Под прямым или косвенным влиянием идей позитивизма или социологии во второй половине XIX в. наука о нравственности подверглась полному преобразованию

со стороны своего предмета, своей задачи и своего метода. Подобно другим специальным общественным наукам, т.е. политике, юриспруденции и политической экономии, она должна заключать в себе и теорию соответственных явлений социальной жизни, и систему принципов, которые должны господствовать в данной сфере отношений.

Нравственные явления могут совершенно так же, как явления политические, юридические и экономические, изучаться отдельно от других или в связи с другими на общей почве социальной жизни. Подобно социальным явлениям других категорий, они могут далее изучаться этнографически, исторически, статистически, причем и здесь возможны конкретная и абстрактная точки зрения (история нравственности и теория нравственности) и вполне, наконец, приложим, сравнительный метод. Эволюция нравственности составляет одну из сторон социальной эволюции вообще, вместе с эволюцией государства, права и народного хозяйства. Имея, между прочим, дело и с нравственными явлениями общественной жизни, социология не может ограничиться лишь одной «физикой нравов» без всякой их этической оценки как отдельных проявлений моральной эволюции человечества, которая в то же время есть и моральный прогресс, т.е. нравственное улучшение человеческой личности и человеческого общества. Этический элемент теоретически неустраим из социологии, потому что существует в самой общественной жизни, как бы мы себе не объясняли генезис этого элемента. Это одно из проявлений той субъективной стороны социального прогресса, которая заключается в психическом взаимодействии личностей и не может быть игнорируема социологией. Каждое политическое, юридическое и экономическое отношение, объективно существующее, является и воплощением того или другого принципа, который имеет моральное значение. Устранение этического элемента из социологии было не только теоретически ошибочно, но и опасно в нравственном и общественном смысле. Пробел, который образовался бы вследствие изгнания этического субъективизма из социологии, или так и остался бы пробелом в смысле совершенного морального и социального индифферентизма, при котором не может быть всестороннего понимания общественной жизни, или тотчас же был бы заполнен ненаучным и неэтичным субъективизмом, примеры коего представляют нам другие общественные науки, когда отказываются принимать в расчет достоинство человеческой личности и нравственные запросы, заставляющие нас интересоваться общественной жизнью.

Возникновение спора между объективистами и субъективистами

Вопрос об объективизме и субъективизме в социологии имеет целую историю, в которой иногда бывает трудно разобраться, благодаря значительной путанице понятий, какая обнаруживается при рассмотрении истории этого спора. Главная причина недоразумения заключалась в том, что стали различать между двумя методами социологии — объективным и субъективным, тогда как речь должна была бы идти не о методах двоякого рода, а о двоякого рода отношениях (или точках зрения). Начало этому ошибочному различению было положено самим Контом, который во второй период своей жизни, когда создавалась «Система положительной политики», стал, если можно так сказать, подчинять наблюдение воображению, ум сердцу, познавательную способность любви, сим-

патическим чувствам, т.е. теоретическое отношение к миру стал подчинять отношению эмоциональному. Это новое отношение свое к предметам, которые объективно изучаются в «Курсе положительной философии» Конт и назвал субъективным методом. С этой точки зрения все науки, не исключая математики, дабы не давать одного сухого и бесплодного знания, должны были получить «религиозное освящение». Известно, что во второй период своей жизни Конт сделал человечество предметом религиозного почитания и служения, предъявив ученым требование, чтобы перед их умственным взором во всех их исследованиях постоянно предносился предмет этого культа. Ум и поведение должны были подчиняться чувству, положенному в основу новой религии, которую, как известно, счел нужным создать для человечества Конт в эту пору своей жизни. Социология должна была содержать догмы этой позитивной религии, но рядом с ней Конт создавал еще социолатрию (позитивистический культ) и социократию (позитивистическое устройство общества). Правда, он настаивал на том, что между социологическим субъективным методом и субъективным методом теологическим существует большая разница, так как социологический метод не объективирует или не проектирует во внешний мир того, что внутренне созерцается при помощи этого метода, но в сущности, как и в прежних натуралистических религиях, эмоциональному отношению к миру здесь давался положительный перевес. Став вместе с тем на ту совершенно верную точку зрения, что наука должна служить всеобщему благополучию, а потому не может быть единственной высшей целью своего собственного существования, он упустил из виду то, что приносить действительную пользу обществу наука может лишь в том случае, когда она ведет свои дела так, как будто бы, кроме чистого знания отвлеченной истины, у нее не могло быть других задач, и забыл, что возможность такого строго теоретического отношения к окружающей действительности обуславливается существованием в человеке стремления к знанию, хотя бы из этого знания никогда и нигде нельзя было сделать никакого практического употребления.

Одним словом, субъективный метод Конта был прямой изменой объективизму в смысле строго теоретического отношения к природе и человеку. Нельзя отрицать того, что в этом перевороте, случившемся с Контом, большую роль играют чисто этические стремления, которые сравнительно мало проявлялись в эпоху написания «Курса положительной философии», но стремления эти могли бы и не помешать ему остаться на высоте научного созерцания. Можно требовать далее, чтобы знание не оставалось бесплодным, но для этого вовсе не нужно, чтобы отдельными шагами нашего ума в деле исследования действительности руководило и направляло бы их к желанной цели чувство, особенно такое чувство как религиозное, не позволяющее анализировать и критиковать предмет нашего почитания и служения, хотя бы предметом этим и было «человечество». Понятно, что такой субъективный метод, который действительно был методом не только не научного исследования, а своеобразного религиозного творчества, был отвергнут теми последователями и сторонниками Конта, для коих «Система положительной политики» была свидетельством полного ослабления умственной силы основателя социологии. Они объявили себя противниками этого ненаучного метода и всей субъективной социологии Конта, а тем самым признавали истинность одного только метода — объективного. В

этом отношении они были, конечно, правы, но, устраняя из социологии весь тот эмоциональный субъективизм, который продиктовал Конту его позитивную религию, они распространяли свое нерасположение к субъективизму и на чисто этическое отношение к общественным явлениям, став на ту точку зрения, что никакого иного отношения к этим явлениям, кроме такого, какое существует в естествознании к явлениям природы, и быть вовсе не должно. Против этого последнего вывода восстала, однако, некоторая часть научных последователей Конта. Она стала доказывать законность этического отношения к общественным явлениям, назвав такое отношение также субъективным методом. К сожалению, выбор термина не был удачным. Во-первых, тут речь должна была идти вовсе не о каком-то особом методе, а только об особой точке зрения, об особом отношении. Во-вторых, пользование термином, который у Конта получил такое своеобразное значение, давало повод обвинять субъективистов в том, что они хотят подчинить науку соображениям ненаучного характера.

Взгляд Конта на отношение субъективного метода к объективному

Впрочем, сам Конт вовсе не думал, что субъективный метод должен совершенно упразднить метод объективный. Даже в «Системе положительной политики» он стоит за первенство объективного метода и дает только долю участия субъективному методу в выработке естественной философии. Он требует лишь сочетания обоих методов, ибо только в прошлом, по его мнению, они могли быть непримиримы. Он не раз заявляет, что основание социологии переродило или возродило субъективный метод, придав ему позитивный характер. «Основная гармония обоих методов, объективного и субъективного, — говорит Конт, — составляет истинную человеческую логику, т.е. совокупность средств, способных открывать нужные нам истины». Перечитывая, однако, страницы, посвященные этому вопросу в первом томе «Системы положительной политики», и сравнивая их с тем, что писалось о том же предмете другими защитниками субъективизма в социологии, мы ясно видим, какая громадная разница существует между обоими субъективными методами.

Вопрос о социологическом субъективизме в русской литературе

Нигде вопрос о субъективном методе в социологии не вызывал таких споров и разногласий как именно у нас. Русская литература выставляла горячих защитников этического субъективизма в лице преимущественно Миртова и Михайловского. Одно время (в семидесятые годы) говорилось даже об особой русской социологической школе, как школе субъективной, да и теперь указывают на то, что она предвосхитила идеи, характеризующие новейшую американскую школу социологов (Уорда и Гиддингса), тоже становящуюся на субъективную точку зрения. Именно с точки зрения этического субъективизма в русской литературе подвергнуты были критике главные положения органического направления и разные применения дарвинизма в социологии. В этой литературе можно найти и красноречивые страницы выступлений против социологического объективизма, за которыми нередко скрываются на самом деле или социальный индифферентизм, или какие-нибудь тенденции невысокой нравственной пробы. Русские социологи и теоретически доказывали правильность

этического отношения к общественным явлениям в науке, их изучающей. Нужно сожалеть только, что они с самого начала стали употреблять выражение «субъективный метод», как будто исследование естественных и общественных явлений должно было бы вестись не одним и тем же общенаучным методом, т.е. не на основании одних и тех же логических приемов мысли. По вопросу о субъективном методе от Миртова и Михайловского даже отделился третий социолог одного с ними направления (Южаков), что и вызвало между ними печатный обмен мнениями. Потом вопрос в течение некоторого времени можно было бы считать сданным в архив, но недавно он снова был поднят благодаря появлению в нашей литературе экономического материализма; именно оно сопровождалось нападением на «субъективную социологию», коей стали противопоставлять экономический материализм как учение чисто объективное и имеющее право считаться строго научным. Субъективизм был объявлен прямо синонимом ненаучности и произвола. Прибавим к этому, что субъективизм русской социологии был связан не только с этическим отношением к личности и обществу, но и с признанием внутренней, психической стороны в самой общественной жизни: представители этого направления считали невозможным построить социологию без помощи не только этики, но и психологии. Понятно, что они не могли стать поэтому сторонниками построения социологии непосредственно на биологии, как того хотели социологи органического и дарвинистского направлений. На том же основании с их стороны не мог встретить сочувствия и экономический материализм, хотя они сами вполне устранили то, что составляет этическую сторону учения Маркса в смысле общественного идеала и приняли его экономическую теорию. Из всей этой истории спорного вопроса в русской литературе в настоящее время выясняется, что чистый объективизм в социологии с точки зрения русских его противников является синонимом социологии, построенной без помощи психологии и без участия этики, а к такой социологии приводят идеи «общественного организма», как реального существа, «борьбы за существование», как основного фактора общественной жизни, и «экономического материализма», как обоснования всей культурной и социальной жизни на одном экономическом начале.

Разбор Южаковым вопроса о субъективном методе

Первое заявление о необходимости применения к изучению общественных явлений особого субъективного метода было сделано в нашей литературе Миртовым в «Исторических письмах» и «Задачах позитивизма», написанных в конце шестидесятых годов. Около того же времени, но позднее Миртова, с подобного же рода заявлениями выступил и Михайловский в статьях «Что такое прогресс?» и «Теория Дарвина и общественная наука». Между аргументацией обоих авторов существует, однако, довольно значительная разница, и первый в своем субъективизме идет гораздо далее второго, но оба они вполне сходятся между собой в том, что принимают субъективизм за особый научный метод, который должен быть употребляем при изучении общественных явлений. В начале семидесятых годов взгляды названных писателей были подвергнуты критике Южаковым в особом этюде, появившемся в журнале «Знание» и перепечатанном впоследствии в первом выпуске «Социологических этюдов» (1891). Со своей стороны Миртов и Михайловский возражали Южакову. В этой по-

лемике задето было немало интересных тем, но главный спор вращался около вопросов можно ли назвать субъективизм особым методом и следует ли думать, что естествознание и обществоведение должны пользоваться двумя различными методами? Южаков стоит за единство научного метода во всей области знания и старается доказать, что в основе идеи о субъективном методе лежит ряд недоразумений, которые он и счел нужным разъяснить в своей статье.

Но, отрицая необходимость и научность особого метода, который был бы чем-нибудь иным сравнительно с методом естествознания, Южаков признал вполне правильным субъективизм в смысле точки зрения или отношения к предмету. «Вдумываясь, — говорит он, — в филиацию мыслей приверженцев субъективной школы, можно дать следующее определение защищаемому ими методу: оценка относительной важности явлений на основании нравственного мирозерцания (идеала) исследователя и построение научной теории при помощи того же критерия, — вот, — прибавляет он, — отличительная черта, существенный признак субъективного метода». В другом месте он дает еще такое «исправленное» определение субъективного метода: его особенность «заключается в оценке относительной важности общественных явлений на основании взглядов исследователя на нормальные отношения членов общества друг к другу и в построении научной теории при помощи того же критерия». В этом смысле Южаков стоит за субъективизм, но он не думает, чтобы в таком понимании субъективизм противоречил научным объективным приемам исследования и чтобы поэтому он их исключал. Наоборот, такая нравственная оценка является только дополнением к этим приемам, необходимым их усложнением при усложнении самого материала, подлежащего исследованию. Дав исправленное определение субъективного метода, критик замечает далее, что «в таком виде требование, заявляемое этим методом (с некоторыми оговорками), весьма легко может быть принято самым ярким и нетерпимым приверженцем единства научного метода во всех сферах человеческого мышления». Дело в том, продолжает он, что «тут никакого особенного метода даже и нет вовсе, а есть просто провозглашение одной весьма важной теоремы социологии, именно, что общество основано на личностях, и что развитие общества совершается не иначе как личностями, через личности и в личностях. Если социолог признает эту теорему, то он, исследуя известное общественное явление, всегда будет останавливать свое внимание не только на последствиях его для общественной среды, культуры, но и на влиянии его на создателей этой среды, на те общественные атомы, через которые единственно и могли возникнуть наблюдаемые ими изменения общественной среды». Этими словами Южаков заявляет полную свою солидарность с социологическими воззрениями разбираемых авторов, но при этом он не видит причины приписывать значению личностей в обществе какой-то особенный метод. Игнорирование теоремы, говорит он, на которой настаивает субъективная школа, есть грубая и непростительная ошибка со стороны социологов; приступать к построению какой-либо части социологии, не уяснив себе предварительно значения личности для общественной среды и среды для личности или даже прямо отвергая это значение, все равно, что делать какие-либо изыскания по небесной механике, отвергая теорему об обратной пропорциональности силы тяготения квадратам расстояния. Признание этих теорем необходимо для обеих наук, и нельзя достаточно благодарить

наших авторов за резкое и постоянное настаивание на первостепенной важности личности в обществе, но все-таки, где же тут особый метод?

Южаков особенно напирал на то, что теоремы, защищаемые Миртовым и Михайловским, суть теоремы социологические, а отнюдь не логические и что поэтому они должны влиять на содержание заключений, а отнюдь не на приемы исследования, не на метод. При распадении обществознания на несколько самостоятельных наук сделалось возможным только, что «этика, существующая совершенно обособленно, иногда игнорируется мыслителями при построении ими общественно-научных теорий, и выходит тот квази-объективный метод, против которого справедливо ратует субъективная школа». Но, прибавляет Южаков, «теоремы науки, как бы истинны и важны они не были, не могут служить методологическим критерием, не извратив самого характера научной работы...». Введение нравственного элемента в исследование не изменяет его существенного характера. Социологическое исследование может и должно держаться общенаучного метода и притом тем строже и неотступнее, чем сложнее материал, над которым приходится работать социологу. Если объективность заключается в том, чтобы игнорировать значение общественных событий для личностей и значение личности для общественных событий, чтобы отмахиваться от социологических выводов, вытекающих из этических теорем, то это вовсе не объективность и беспристрастность, а просто опасное для науки заблуждение, непонимание того, что различные элементы общественного целого находятся в тесной зависимости между собой. Бог с ней, с такой объективностью; я готов выдать ее головой нашим субъективистам. Но, если, с другой стороны, субъективность заключается в том, чтоб вместо признания желательным и должным истинного, объявлять истинное желательное, в том, чтобы снимать с социолога-исследователя узду всяких общеобязательных логических форм мышления, в том, чтобы теоремы одной из областей науки, как бы эта область ни была важна сама по себе, возводить в методологический критерий всякого общественно-научного мышления, — если это значит субъективный метод, то да будет всякий социолог подальше от такого орудия, и чем талантливей мыслитель, тем опаснее для науки подобное направление.

Нельзя не согласиться с правильностью этого взгляда Южакова. Но дело касается именно только особого метода, а не этической точки зрения при изучении общественных явлений. «Нравственный элемент, говорит критик, как процесс приспособления жизни к условиям общественного существования, слишком важен, и нравственная доктрина поэтому слишком обширная по своему значению область социологии, чтобы человек, неспособный разглядеть первого и чуждый второй, мог с успехом заниматься социологией... мысля общественные явления, мы необходимо мыслим пользу, вред, благо и прочие категории, окрашенные для нас в цвет желательности или нежелательности, а это обстоятельство неизбежно налагает на нас "обязанность строить общественную науку, исходя из положений одного из отделов ее, из нравственных теорий"». Поэтому Южаков совершенно правильно считает борьбу с указанной окраской для всякого мыслителя невозможной и бесполезной: все слова, относящиеся к обществу, запечатлены ею; все отвлеченные и почти все общие конкретные названия в социологической терминологии непременно означают или пользу, вред, благо или что-либо подобное. Общий вывод Южакова таков:

аргументация субъективной школы, при помощи которой она стремится доказать неприменимость к социологии объективного метода... не выдерживает критики. Но в основании положительной стороны субъективизма лежит глубоко истинная идея о значении нравственной доктрины в социологии. Нравственная доктрина, по мнению Южакова, есть учение об отношении личности к обществу, о приспособлении жизни к условиям общественного существования, так что ее значение в социологии понятно и без всяких каких-либо субъективных подставок. «Ошибка субъективистов заключалась в том, что они теоремы социологии приняли за теоремы логики и доктрину, долженствующую влиять на содержание науки, объявили методологическим критерием». Такую постановку вопроса Южаков называет даже отрицанием социологии, как чистой науки, отождествлением ее с политикой в смысле науки прикладной.

Мы не станем рассматривать возражений, вызванных статьей Южакова. Нельзя сказать, чтобы полемика сколь-нибудь разъяснила вопрос. Употребление слова *метод* не в узком смысле приема исследования, а в широком смысле процесса мышления, и возможность противопоставлять субъективное объективному в весьма разнообразных смыслах не позволили спорящим придти к какому-либо заключению. Выяснилось только, что субъективисты вовсе не безусловные противники того, что они называют объективным методом. В статье «О методе в социологии», которую Миртов поместил в «Знании», даже прямо говорится, что в социологии возможны и объективные методы исследования, тем более, что ни один из методов не употребляется исключительно в одной какой-либо области науки. В одном только обе стороны согласились, но в этом пункте между ними и нет никакого разногласия и не было необходимости внимательного отношения к человеческой личности в смысле психологического объяснения общественных явлений, и в смысле оценки этих явлений с этической точки зрения. Общественные явления существуют через личности и по отношению к личностям, и русские социологи были правы, когда искали оснований для своего субъективизма и в свойствах исследуемых явлений, и в свойствах исследуемого субъекта.

Предисловие и подготовка к публикации И.Д. Осипова